

В машине внезапно стало тихо.

Лю Хэн увидел, что лицо Цзянь Шиву выглядело настолько жалким, что люди чувствовали себя разбитыми горем. После столь долгого знакомства у него сложилось впечатление о Шиву, что он всегда был оптимистичным и жизнерадостным, ничто не могло повлиять на него, но сейчас что-то было не так.

Лю Хэн был немного расстроен:

- Шиву...

Он прислонился к окну машины, половина его тела была скрыта в тени, машина двигалась вперед, уличные фонари излучали яркий свет, пятнистые тени проходили по его телу дюйм за дюймом, оставляя следы одиночества.

Тишина.

Мертвая тишина.

Когда Лю Хэн не знал, что сказать, Цзянь Шиву медленно заговорил, его голос стал немного мрачнее:

- Я поступил подло.

Лю Хэн поджал губы.

- Я думаю... - Лю Хэн на мгновение задумался, прежде чем заговорить: - Староста был действительно опечален.

Цзянь Шиву закрыл глаза с некоторым отчаянием. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но горячие слова слетели с его губ и превратились в слабое:

- Черт.

- ...

Лю Хэн посмотрел на него, и хотя он был тупым, он мог чувствовать боль, с которой Шиву борется, и он не мог удержаться от вопроса:

- Почему ты хотел это скрыть? Я не понимаю.

Шиву глубоко вздохнул:

- Я не хотел.

- Тогда что случилось?

- Я просто...

Он не мог этого сказать, это было похоже на неразрешимую проблему, которая держала его в этой клетке, душила его до глубины души.

Лю Хэн подождал некоторое время и, наконец, сказал:

- Брат Шиву, мы знаем друг друга с начальной школы, мы вместе лазали по заборам и прогуливали уроки, когда были намного младше, мы все делали вместе, я смею полагать, что хорошо тебя знаю...

Цзянь Шиву мягко кивнул.

- Но я не понимал тебя со средней школы. - Лю Хэн мягко сказал: - Я думаю, что ты другой, но это не плохо. Желаящий учиться, добиваться прогресса и не сбитый с толку, это хорошо, но мне кажется, что ты немного изменился.....

Он подумал об этом, как будто подыскивая подходящее прилагательное:

- Такое ощущение...как будто ты напуган.

Цзянь Шиву резко поднял голову. В глазах Лю Хэна было серьезное выражение, когда он сказал:

- Я могу сказать, что ты его боишься.

Цзянь Шиву удивленно поднял глаза, казалось, что он стоит на краю ненадежного утеса и притворяется, что ничего не случилось.

- Не скрывай, я вижу, тебе нелегко.

Цзянь Шиву попытался заговорить, он хотел возразить, но обнаружил, что сделать этого ему не удастся.

- Ты думаешь, что староста не видит этого? - Лю Хэн терпеливо говорил: - Быть друзьями, но всегда иметь какие-то оговорки и избегать друг друга, это очень обидно, я думаю, если есть какое-то недоразумение, то лучше решить его, пока не стало слишком поздно, а если же нет, то лучше покончить с этим.

Глаза Цзянь Шиву расширились, когда он повторил:

- Покончить с этим...

Лю Хэн кивнул.

В машине воцарилась мертвая тишина, и водитель впереди не смел даже дышать, боясь, что попадет под горячую руку. Наконец, водитель притормозил:

- Молодой господин Цзянь, ваш дом.

Цзянь Шиву кивнул и сказал:

- Спасибо.

Когда он вышел из машины, на улице было прохладно, и ветерок мог заставить человека сразу же взбодриться. Лю Хэн позади него сказал:

- Тогда я поехал.

Цзянь Шиву повернулся и сказал:

- Конечно.

Лю Хэн увидел покрасневшие глаза Шиву и почувствовал отчаяние, которое он сдерживал.

Он вздохнул.

В конце концов он решил последовать его примеру и вышел из машины. Он подошел к Цзянь Шиву и обнял его с распростертыми объятиями, торжественным объятием двух хороших братьев после многих лет на холодном, пронизывающем ветру, как будто они согревали друг друга.

- На самом деле, я также знаю, что Шэнь Чэн очень опасен, он не тот, кого мы можем позволить себе провоцировать, я понимаю, что ты должен принять решение, но я думаю, что на протяжении многих лет, с чистой совестью, брат Чэн хорошо относится к нам. В любом случае, мы все знаем, что у нас на сердце, несмотря ни на что, по крайней мере, он заботится о тебе, так что...

Цзянь Шиву спокойно слушал.

Подул осенний ветер, и слова Лю Хэна, казалось, были наполнены горечью:

- Подумай об этом.

Лю Хэн вернулся в машину и поехал. Было тихо, даже сверчков не было слышно.

Цзянь Шиву стоял на месте, как будто его приковали эти слова.

- Шиву?

Дверь виллы распахнулась, и послышался голос няни. Цзянь Шиву обернулся и увидел женщину, идущую к нему:

- Почему ты не заходишь, дитя, на улице же дубак.

Войдя в дом, он был похож на блуждающую душу. Женщина сказала:

- Господин и госпожа Цзянь уехали в командировку, уже почти конец года, они сейчас заняты, не беспокойтесь, я буду рядом, скажите, чего бы вы хотели отведать.

Цзянь Шиву небрежно махнул и вернулся в свою комнату.

Он плохо спал всю ночь, его сны были наполнены всевозможными как светлыми, так и странными вещами, образы из его прошлой жизни сталкивались с образами из его нынешней жизни, как будто они сдавливали его голову, вызывая раскалывающуюся головную боль.

Наконец, наступил рассвет. Цзянь Шиву не мог позволить себе на это заикливаться и пошел в школу с затуманенным разумом.

Как только он вошел в класс, он подсознательно посмотрел на последний ряд, Шэнь Чэн пришел рано, он читал книгу. Утренний солнечный свет падал на молодого человека, прекрасного и божественного, и его внимание, казалось, было полностью сосредоточено на книге, наплевав на окружающих.

Но раньше все было по-другому. Цзянь Шиву знал, что в прошлом Шэнь Чэн посмотрел бы на

него, независимо от того, разговаривал он или нет, они бы встретились взглядами, но сегодня все было по-другому.

***

Он зол.

На этот раз Цзянь Шиву мог сделать вывод со 100% уверенностью.

Лю Хэн поспешил поприветствовать его:

- Доброе утро, брат Шиву.

Цзянь Шиву:

- Доброе утро.

Лю Хэн в шоке посмотрел на лицо Цзянь Шиву:

- Боже мой, что ты делал ночью, ты выглядишь так, как будто кто-то умер.

Цзянь Шиву стукнул его по лбу.

В течение следующих дней все учебные занятия проходили в обычном режиме, и Шэнь Чэн почти полностью игнорировал его.

Это своего рода отчуждение, разобщенность. Как будто их разделяла большая река.

Когда человек жил в теплой воде, в чувство его может привести, только холодная, и в те дни, когда присутствие Шэнь Чэна внезапно пропадало, он столкнулся с различными неудобствами. Никто не стал бы проверять его после того, как он закончил свою домашнюю работу. Никто не контролировал то, сколько он съест мяса, потому что он был на диете. Никто не напомнит ему о том, что пора вздремнуть, и не поможет проверить документы. Жизнь, которая до этого была в порядке, казалось, внезапно пошла наперекосяк, и глаза Цзянь Шиву всегда подсознательно обращались к Шэнь Чэну, но Шэнь Чэн так ни разу и не взглянул на него.

Бывали моменты, когда он чувствовал себя несколько обиженным, настолько обиженным, что хотелось пролить слезы.

Он ясно знал, что в своей прошлой жизни Шэнь Чэн был безжалостен, но в этой, после того, как с ним обошлись холодно, он не мог не чувствовать себя обиженным.

Цзянь Шиву был зол на самого себя. Он был зол на себя за то, что был некомпетентен и не мог разделить стресс своих родителей, он был зол на себя за то, что нес чушь и разбил сердце Шэнь Чэна, и он был зол на себя за то, что все еще был таким слабым в этой жизни и вообще не мог взять на себя ответственность.

Один за другим моментом давили на него, у него было много забот, он плохо спал, он плохо отдыхал, и он находился под давлением внешнего мира.

Когда Чжэнь Мэйли пришла утром, чтобы разбудить его, она сначала не заметила, что что-то не так:

- Шиву?

В доме вообще не было никакого движения.

Постучав в дверь, Чжэнь Мэйли, наконец, забеспокоилась и вошла. Человек, лежащий на кровати, был раскрасневшимся.

- Шиву!

Высокая температура 38,8, которая поднялась вечером и не была замечена до утра, врач больницы не переставал осуждать родителей за то, что они были такими беспечными, еще один день лихорадки, и его мозги бы "закипели".

Чжэнь Мэйли плакала, а Цзянь Цзичэн испытывал некоторое самоосуждение.

Лихорадка не совсем спала, но его лицо медленно приходило в норму, и даже во сне он хмурился, вид у него был беспокойный.

Чжэнь Мэйли вытерла лицо и сказала с некоторой хрипотцой:

- Горничная сказала, что он был не в хорошем настроении в эти дни. Он почти ничего не ел эти дни, разве что пару ложек каши вчера.

Цзянь Цзичэн вздохнул:

- Это из-за учебы?

Чжэнь Мэйли покачала головой.

Она протянула руку и погладила Цзянь Шиву, вспоминая, что у этого ребенка было пухлое личико, круглое и милое, не зная, с какого дня он начал худеть, раньше он всегда был счастлив, она не знала, когда он начал подавляться.

Цзянь Шиву снился какой-то сон, его длинные ресницы дрожали, постепенно увлажняясь, возможно, ему снилось что-то грустное, все его тело слегка дрожало, как будто он страдал от какой-то сильной боли.

Чжэнь Мэйли подошла ближе, чтобы лучше слышать. Цзянь Цзичэн спросил:

- А из-за чего же?

Чжэнь Мэйли подняла голову, чтобы посмотреть на него, и слегка приоткрыла свои тонкие губы:

- Шэнь Чэн.

Два или три года назад Цзянь Шиву приснился страшный сон, и у него была высокая температура, во сне он не переставал звать Шэнь Чэна по имени, и то же самое было и

сегодня. Цзянь Цзичэн поперхнулся:

- Эти двое...

Чжэнь Мэйли тоже тихо вздохнула.

В тот день температура спала, но сутки спустя мальчик все еще не проснулся. Новость о том, что он заболел, естественно, достигла ушей его одноклассников, а класс гудел от разговоров.

- Я слышал, что Шиву так и не проснулся.

- Лихорадка так быстро не пройдет.

- Это займет дня три.

- Нам даже пока нельзя навестить его.

Было много дискуссий, и, естественно, Лю Хэн знал об этом, и поскольку была пятница, они, естественно, договорились заскочить на выходных.

Когда Цяо Ань позвонили, он, естественно, первым делом посмотрел на Шэнь Чэна. В эти дни, хотя Шэнь Чэн вел себя не иначе, чем обычно, Цяо Ань все еще мог чувствовать недавнее низкое давление вокруг него.

Разум Шэнь Чэна был не в лучшем настроении.

Но даже если Шэнь Чэну было все равно, группа врачей, приглашенных из-за границы от имени семьи Цзи, прибыла при первой возможности, когда они узнали, что Цзянь Шиву все еще спит, и даже если ему было все равно, врачи ежедневно присылали ему отчет из больницы. Даже если бы ему было все равно, он должен был прийти сегодня, чтобы навестить его. Ранним утром, когда солнце еще даже не взошло, Шэнь Чэн встал.

К восьми часам утра в больницу прибыла группа людей.

Детей поприветствовала Чжэнь Мэйли:

- Ребята, вы могли просто прийти, зачем вы так много всего принесли.

Она некоторое время не была дома из-за проблем компании, она знала, что Цзянь Шиву вел себя странно в тот день, когда узнал о ситуации, но ее не было рядом со своим ребенком, что заставляло ее очень сильно винить себя.

Доктор сказал, что его болезнь не наступила внезапно, все началось из-за слишком сильного стресса, вероятно, из-за какого-то недавнего психологического удара.

Чжэнь Мэйли не могла перестать плакать в эти дни, она не могла простить себе.

- Шиву еще не проснулся.

- Шиву, проснись, и мы пойдем с тобой играть в игры.

- Уже почти канун Нового года, и мы договорились поиграть вместе.

Несколько детей стояли перед больничной койкой, парень, лежащий на кровати, был на

капельнице, его бледное лицо было почти прозрачным, очевидно, прошло всего полмесяца, но мальчик сильно похудел, его глаза были закрыты, он казался ужасно хрупким.

Ребята продолжали болтать без умолку, только Шэнь Чэн стоял рядом с ним и спокойно наблюдал. Нормальный человек подумал бы, что этот ребенок был холодным и бессердечным, только те, кто знал Шэнь Чэна, могли видеть сильные эмоции в этих спокойных черных глазах.

К тому времени, когда наступил полдень, небо изменилось, набежали темные тучи, и даже слышались слабые раскаты грома.

Чжэнь Мэйли подошла и сказала:

- Я боюсь, что будет дождь, вы, ребята, поторопитесь домой.

Цяо Ань и Лю Хэн посмотрели друг на друга и направились к двери палаты, только Шэнь Чэн неподвижно остался стоять. С того момента, как он пришел сюда, он как будто пустил корни, не отойдя ни на дюйм.

Чжэнь Мэйли немного забеспокоилась:

- Шэнь Чэн...

Только когда она заговорила, Шэнь Чэн немного шевельнулся и слабым голосом сказал:

- Я бы хотел еще побыть.

Тишина.

- Конечно.

Чжэнь Мэйли посмотрела на двух детей, одного лежащего, а другого стоящего, ее нос был необъяснимо кислым, и по какой-то причине она согласилась:

- Оставайся.

Кто знал, что после того, как она это скажет, Лю Хэн и Цяо Ань тоже останутся. Он находился в VIP-палате, которая ничем не отличалась от обычного дома с тремя спальнями, с отдельной гостиной, кухней и полностью оборудованной ванной комнатой.

Лю Хэн подмигнул Цяо Аню:

- Все равно будет дождь.

Цяо Ань понял намек и улыбнулся:

- Как раз, прошло много времени с тех пор, как я пробовал вашу еду, можно мне перекусить?

Они заметили, что Чжэнь Мэйли не в лучшем состоянии, и как братьям, пока Шиву не в состоянии, им определенно придется присматривать за его матерью вместо него. Уговоры были бесполезны.

Энни тоже пришла и сегодня она вела себя необычайно хорошо:

- Вы разрешите нам остаться здесь?

Чжэнь Мэйлэй ничего не могла с собой поделаться.

Дети собрались вокруг с большим энтузиазмом, и печаль в ее сердце значительно рассеялась, поэтому она поджала губы и улыбнулась:

- Хорошо. Чего бы вы хотели перекусить? Я схожу и приготовлю.

Они радостно завопили.

У всех у них хватило ума выйти из палаты, и они даже предусмотрительно закрыли дверь, все собрались снаружи в гостиной, так что внутри палаты остались только Шэнь Чэн и Цзянь Шиву.

Небо медленно заволочло тучами, и снаружи ударил приглушенный гром.

Бум!

Тишину палаты нарушили раскаты грома и молнии.

Шэнь Чэн сел перед койкой и увидел, как мальчик, который изначально спал, нахмурился из-за звука молнии, на его голове выступил тонкий слой пота, как будто он внезапно попал в какой-то кошмар. Что-то чрезвычайно пугающее для него, изводящее его до такой степени, что он начинал плакать. Шэнь Чэн долго молчал, подойдя ближе, он, наконец, услышал несколько жалобный голос:

- Нет, ах, нет, я хочу кремировать маму...

- Шэнь Чэн, возьму трубку, ааааа...

- Я был неправ, я никогда больше так не поступлю.

- Зачем ты так со мной?

- Пожалуйста.....

Температура внутри палаты понизилась из-за ливня, осенней дождливой ночью человек рядом с больничной койкой тоже был весь холодный. Шэнь Чэн посмотрел на Цзянь Шиву, глаза его были подобны безмолвной буре, слушая эти слова, в его сердце был гнев, но взгляд на испуганного ребенка на койке, вызвал у него невыразимую боль на сердце.

Неверится, но он держал руки Шиву, которые были почему-то холодными, крепко держал, молча согревая.

Бум

Прозвучал еще один раскат грома. Такой же сильный дождь, как в тот день, когда с ним произошел несчастный случай, тот же гром.

Мальчик в кровати все еще плакал и продолжал бормотать от боли, его голос был нежным, но каждая фраза причиняла Шэнь Чэну невыносимую боль:

- Больно...

- Мне так больно.

- Помоги.

- Шэнь Чэн, Шэнь Чэн...

Парень рядом с ним взял Шиву за руку, и Шэнь Чэн сдержал эмоции в своем сердце, его глаза, которые всегда были похожи на бездонный колодец, окрасились алым, а голос был низким и хриплым:

- Я здесь.

<http://bllate.org/book/12636/1120722>